

Глава 4. Узник

Цао Цао внимательно изучал выражение лица Гу Чжи.

Брови ровные, взгляд спокоен — не похоже на шутку.

Из осторожности Цао Цао всё же добавил:

— Ты помог разбить врага, и этой заслуги достаточно, чтобы искупить твою вину. Если решишь уйти сейчас, я не стану тебя останавливать.

Минъюань слегка склонил голову, глядя на стоявшего перед ним военачальника средних лет:

— Одно другому не мешает. Смертной казни можно избежать, но тюремного срока не миновать.

Сяхоу Дунь шагнул вперёд, незаметно вставая в полушаге от Мэндэ. Его острый взгляд, казалось, мог пронзить любую маску.

— Что ты задумал?

— Задумал? — юноша словно очнулся. Он снял с плеча копьё и небрежно бросил его в сторону.
— Теперь верите? А что до намерений... если можно, прошу подавать еду в темницу вовремя. Спасибо.

Юаньжан лишь промолчал.

В этот момент подошёл солдат, только что собравший «подсечки для лошадей», и протянул связку конских поводьев.

Цао Цао выбрал самый крепкий и лично связал пленника.

Тот не шелохнулся, позволив себя скрутить, и даже когда его передали под охрану небольшого отряда, оставался спокоен и послушен, не выказывая ни малейшего желания сопротивляться.

Эта картина до боли напоминала тот момент, когда Сяхоу Дунь впервые связал его.

У генерала дёрнулся уголок глаза. Он широким шагом подошёл и встал плечом к плечу с Мэндэ.

— Боюсь, обычные поводыя его не удержат.

Даже шнур от его официальной печати был с лёгкостью разорван в клочья. Эти путы, хоть и прочнее, вряд ли избегнут той же участи.

Цао Цао, не поворачивая головы, смотрел прямо перед собой, на озарённый закатом пейзаж.

— Если бы он хотел уйти, зачем бы ему ждать до сих пор?

— Но...

Цао Цао замедлил шаг, чуть отстав, и положил руку на плечо Юаньжана:

— Если он действительно захочет уйти, пусть уходит.

— ... — генерал с шумом выдохнул. — А как же эти мятежники? Ты не хочешь их допросить?

— Не торопись. Сначала допросим их.

Так и поступили. Когда войны закончили убирать поле боя и привели к нему нескольких выживших пленников, Цао Цао приказал своим доверенным людям допросить каждого по отдельности.

Узнав, что все они были из отряда Тао Цяня, государь задумался.

Но когда их спросили об отношениях с Гу Чжи, реакция пленников оказалась странной, в ней даже проскальзывал некоторый страх.

Один из охранников заметил:

— Должно быть, храбрость командира Гу, сразившего врага одним ударом, и его хитроумный план так поразили этих разбойников, что они до смерти перепугались.

Солдаты в большинстве своём восхищаются силой, поэтому, услышав эти слова, многие так или иначе выразили своё согласие.

Лишь у Цао Цао и Юаньжана в сердцах зародились глубокие сомнения, но по разным причинам они пока не стали их высказывать.

После короткого отдыха Мэндэ повёл своих людей на северо-запад, решив пополнить войско в ближайшем уезде — Цзяньпине.

Проезжая через свой родной уезд Цяо, военачальник попросил у местного уездного начальника карету для перевозки заключённых.

Так называемая «карета для заключённых» представляла собой тюремную повозку из толстых деревянных брусьев, установленную на колёсную платформу и запряжённую лошадьми.

В конце династии Хань ещё не изобрели деревянные колодки и другие орудия для сковывания рук и ног, поэтому Миньюаню нужно было просто сидеть внутри, без всяких оков.

Для него это было скорее благом.

Что же до того, чтобы ехать в клетке, пересекать улицы в сопровождении конвоя и ловить на себе косые взгляды толпы... Для другого это могло бы стать невыносимой пыткой, но для Гу Чжи внимание зевак было не ощутимее легкого ветерка, коснувшегося лица; оно совершенно не задевало его.

Юаньжан, ехавший рядом, увидел, что юноша дремлет, и, молча дёрнув поводья, отъехал подальше.

Цао Цао заметил движение сбоку и посмотрел на него:

— Что случилось?

— Поступки этого человека слишком необычны, я не могу его понять.

Видя, как собеседник хмурит брови, Мэндэ с улыбкой натянул поводья.

— В жизни много странного и загадочного, зачем пытаться понять всё?

Юаньжан покачал головой и замолчал.

Отряд двигался на запад, миновав княжество Пэй и достигнув Чэньлю.

Поначалу всадники, казалось, ехали расслабленно, но на самом деле зорко осматривались по сторонам, сохраняя бдительность. Однако после долгого пути их ноги от постоянной тряски начали болеть. Под палящим солнцем пот просачивался сквозь стёртую кожу, вызывая острую, жгучую боль.

Новобранцам-пехотинцам тоже приходилось нелегко. Они шли в ногу с конницей, их обмотки были порваны ветками, а ступни в грубых пеньковых сандалиях покрылись волдырями. Даже самые выносливые солдаты после пересечения двух княжеств чувствовали усталость.

В это время Гу Чжи, комфортно устроившись в повозке и проспавший почти весь путь, казался самым привилегированным членом отряда. Даже не слыша ропота, Юаньжан замечал, как люди то и дело бросают взгляды на арестантскую карету.

Глядя на юношу, который лежал там так ровно и безмятежно, генерал почувствовал, как от досады и жары на губах вот-вот выскочит лихорадка. Голова, которая до этого ныла лишь слегка, теперь разболелась всерьёз.

Он снова подъехал к Цао Цао.

— Мэндэ, может, дадим воинам ещё немного отдохнуть?

Тот окинул взглядом своих людей, видя их изнеможение.

— Тогда отдых. Развести огонь, готовить еду.

Измученные дорогой люди наконец-то получили передышку.

Миньюань к тому времени как раз успел вздремнуть.

Карету остановили под павлонией. Когда юноша открыл глаза, бело-фиолетовые лепестки, трепеща, опускались вниз, проскальзывая сквозь брусья и плавно приближаясь к нему.

Он протянул руку, поймал лепесток и повернул голову.

Солдаты складывали из камней очаг, лошадей отвели в сторону пастись на молодой траве. Солнце слепило глаза. Гу Чжи прикрылся лепестком и, когда зрение восстановилось, убрал его. Прямо перед ним остановилась пара коричневых кожаных сапог.

Узник с минимальным усилием перевёл взгляд и увидел подошедшего.

Опять этот «генерал Сяхоу».

Юаньжан смотрел на него сверху вниз, в его тёмных глазах не читалось никаких эмоций.

— Командир Гу, я вижу, вы неплохо устроились в пути?

Тот уставился на него и через мгновение тихо вздохнул:

— Вполне.

«Было бы совсем хорошо, если бы, проснувшись, я не увидел снова этого человека»

«Почему же я не мог проснуться в своем времени?»

Собеседник, не зная его мыслей, холодно усмехнулся:

— Командир Гу, неужели у вас совсем нет самосознания заключённого?

Юноша, словно вяленая рыба, распластался в карете. Его голос был слабым и безжизненным, ничто не напоминало о былой храбрости:

— Генерал...

Юаньжан, бросив предыдущую фразу, уже собирался уходить. Услышав обращение, он на мгновение замер, решив дослушать.

И то, что он услышал, он запомнил на всю жизнь.

— Генерал, когда подадут еду?

Сяхоу Дунь замер на целых пять вдохов.

В итоге он, не проронив ни слова, развернулся и ушёл, заметно прибавив шаг.

Гу Чжи проводил взглядом генерала, чьи шаги, казалось, могли высечь искры из земли, и медленно отвёл взор.

В походе еда была простой. Сухие, твёрдые лепёшки бросали в кипящий суп, где они долго размокали. Запах злаков медленно распространялся в воздухе, скрывая усталые лица.

Когда они сварились, Мэндэ, помня о своём обещании, приказал отнести пленнику одну порцию.

Новобранцы не были любопытными, но солдат, нёсший миску, не мог сдержать удивления и несколько раз взглянул на арестанта.

Гу Чжи поблагодарил и со спокойным видом принял угощение. Услышав благодарность, солдат смутился ещё больше, поспешно махнул рукой и вернулся к своему отряду, где принялся что-то шептать товарищам.

Минъюань, не обращая внимания на странную реакцию, словно в трансе, поднёс миску к лицу и несколько раз механически подул на суп. Когда варево остыло, он попробовал его.

Как и ожидалось, отвратительно.

С нескрываемым разочарованием он отставил посуду.

Цао Цао и Юаньжан стояли поодаль, делая вид, что едят, но на самом деле наблюдая за узником. Увидев его реакцию, они почувствовали, что и их пайка стала какой-то безвкусной.

— Судя по его виду, он не заключённый, а какой-то знатный вельможа в изгнании, — Сяхоу Дунь отломил кусок черствого теста и бросил в рот. — Неужели мы так и будем его «содержать» всю дорогу?

Услышав в его голосе нотки насмешки, Мэндэ протянул ему ещё одну лепёшку.

— Если удастся «содержать» его в нашем лагере и дальше, то почему бы и нет.

Улыбка сошла с лица генерала, он не взял угощение.

— В этом человеке слишком много странностей, и мотивы его неясны. Не стоит принимать его опрометчиво.

Подобные мысли Юаньжан уже высказывал в более мягкой форме перед тем, как они отправились в путь. Если бы не волнение среди новобранцев, он, возможно, не стал бы говорить так прямо. Он считал Цао Цао человеком дальновидным, которому не нужны были лишние напоминания.

Но с тех пор, как союз против Дун Чжо проявил нерешительность, а Мэндэ в одиночку выступил на запад и потерпел сокрушительное поражение у реки Бянь, чуть не погибнув, Сяхоу Дунь перестал понимать его до конца.

Словно свирепый леопард вдруг затаился. Внешне это был всё тот же человек, которого он знал, но внутри он постепенно становился чужим. Эта перемена была едва заметной, и Юаньжан не знал, к добру это или к худу.

— Я понимаю твои опасения. Но сейчас не стоит заглядывать так далеко. Мы сами пока не знаем, где найдём пристанище, так что будем решать проблемы по мере их поступления.

Эти слова пробудили в Юаньжане другую, более глубокую тревогу.

Великая Хань рушилась. Дун Чжо свергал и возводил на трон императоров, сжёг столицу Лоян, увёл за собой чиновников и народ, захватив Чанъань. Знатные семьи и местные чиновники преследовали свои цели, по всей стране вспыхивали крестьянские восстания, свирепствовали разбойники, народ страдал.

У них двоих не было ни своей земли, ни войска. Они носили лишь пустые титулы генералов, ведя за собой новобранцев. В такой ситуации, даже если юноша в клетке действительно «что-то замышлял», для них это было всё равно что ещё одна дыра в и без того прохудившейся крыше. Ливень, льющийся на голову, просто станет чуть сильнее.

Это было жестокое осознание. Туманное будущее и безнадёжность нахлынули разом. Очередная лепешка, и без того невкусная, теперь казалась сухой травой.

Жуя «траву», Юаньжан в раздражении поднял глаза и увидел, как Гу Чжи лениво сидит в повозке. Хоть он и кривился от еды, но съел всё до последней крошки.

Затем Минъюань зевнул и, словно почувствовав чужой взгляд, резко повернулся, встретившись с ним глазами. Юноша поправил ворот одежды и искренне, дружелюбно улыбнулся ему.

Генерал с каменным лицом ждал, гадая, не решил ли этот человек наконец раскрыть истинную причину своего поведения. Но в следующую секунду бледные губы пленника разомкнулись, и он произнёс фразу, которую Сяхоу Дунь запомнил на всю жизнь.

— А когда подадут следующую порцию?

Юаньжан, не меняя выражения лица, повернулся к Цао Цао.

— Сколько дней его морил голодом Чжоу Синь?

Тот, кажется, поперхнулся и поспешно запил еду водой из бурдюка.

— Он храбрый воин, возможно, просто аппетит хороший, — неубедительно ответил Мэндэ и приказал солдату: — Отнесите ему ещё пару лепёшек.

Вскоре у Гу Чжи в руках оказалось ещё две порции сухого пайка. Тот удивлённо поднял бровь и без всяких угрызений совести убрал их в мешок.

Хотя они были твёрдыми и царапали горло, но раз уж полагался бесплатный полдник, жаловаться не стоило.

И вот, когда отряд снова двинулся в путь, и к закату все устали до изнеможения, в центре колонны ехал человек, который всю дорогу сидел в повозке, любовался пейзажами и с хрустом грыз еду. На этот раз Юаньжан, даже не оборачиваясь, чувствовал на себе бесчисленные косые взгляды подчиненных.

Уезд Вэнь

Когда войско достигло уезда Вэнь в округе Хэней, старший сын Цао Цао, Цао Ан, во главе отряда личной гвардии выехал встречать их за городские стены. Подняв голову, он сразу же почувствовал странную атмосферу.

Цзысю подумал, что новобранцы встревожены из-за того, что покинули родные места, и не придал этому значения. Но когда он подъехал ближе, его взгляд упал на неуместную в колонне карету для заключённых и на столь же неуместную фигуру, увлеченно грызущую лепешку.

Цао Ан на мгновение лишился дара речи.

Поздоровавшись с Юаньжанем, он подъехал к отцу.

— Отец, это?..

<http://bllate.org/book/15998/1441551>